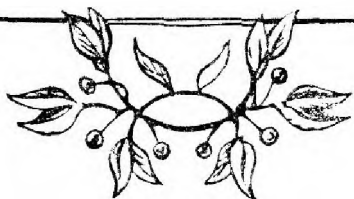

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О ЯЗЫКЕ

Х Р Е С Т О М А Т И Я

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
А. М. ДОКУСОВА

•
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

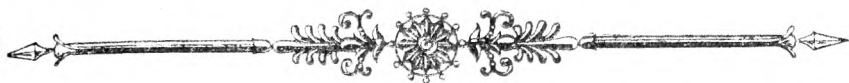
A small, symmetrical decorative flourish consisting of two curved lines meeting at a point, resembling a stylized arrow or a wing.

A decorative flourish consisting of a central scroll-like element with two symmetrical wings or flourishes extending outwards.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Л Е Н И Н Г Р А Д

1 9 5 5

Н. В. Гоголь

О БОГАТСТВЕ И ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА ¹

Выражается сильно русский народ! и если наградит кого словом, то пойдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света. И как уж потом ни хитри и ни облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущих людишек выводить его за наемную плату от древнекняжеского рода, ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица. Произнесенное метко, все равно что писанное, не вырубливается топором. А уж куды бывает метко все то, что вышло из глубины Руси, где нет ни немецких, ни чухонских, ни всяких иных племен, а все сам-самородок, живой и бойкий русский ум, что не лезет за словом в карман, не высниживает его, как насадка цыплят, а вклепывает сразу, как пашпорт на вечную носку, и нечего прибавлять уже потом, какой у тебя нос или губы — одной чертой обрисован ты с ног до головы!

Как несметное множество церквей, монастырей с куполами, главами, крестами рассыпано по святой благочестивой Руси, так несметное множество племен, поколений, народов толпится, пестреет и мечется по лицу земли. И всякой народ, носящий в себе залог сил, полный творящих способностей души, своей яркой особенностями и других даров бога, своеобразно отличился каждый своим собственным словом, которым, выражая какой ни есть предмет, отражает в выражении его часть собственного своего характера. Сердцеведением и мудрым познальем жизни отзовется слово британца; легким щеголем блеснет и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает свое, не всякому доступное умно-худощавое слово немец; но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово.

*1842. Мертвые души. Соч., т. VI, стр. 103—109. **

^{*} Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений. Изд. АН СССР, 1951. Все ссылки по этому изданию.

Я рад, что наконец начались у нас публичные чтения произведений наших писателей <...> Я думал всегда, что публичное чтение у нас необходимо <...> Искусные чтецы должны создавать у нас <...>

К образованию чтецов способствует и язык наш, который как бы создан для искусного чтения, заключая в себе все оттенки звуков и самые смелые переходы от возвышенного до простого в одной и той же речи.

*1843. Чтение русских поэтов перед публикой.
Соч., т. VIII, стр. 233.*

Дивисься драгоценности нашего языка: что ни звук то и подарок; все зернисто, крупно, как сам жемчуг, и право, иное название еще драгоценнее самой вещи.

*1844. Предметы для лирического поэта в нынешнее время.
Соч., т. VIII, стр. 279.*

Пред вами громада — русский язык! Наслаждение глубокое зовет вас, наслаждение погрузиться во всю низмеримость его и изловить чудные законы его <...> Начните с первоначальных оснований. Перечитайте все грамматики, какие у нас вышли, перечитайте для того, чтобы увидеть какие страшные необработанные поля и пространства вокруг вас. Не читайте ничего, не делая тут же замечаний на всякое правило и на всякое слово, записывая тут же это замечание ваше. Испишите дести и стопы бумаги, и ничего не делайте, не записывая. Не думайте о том, как записывать лучше и не обделывайте ни фразу, ни мысли, бросайте все как материал. Прочтите внимательно, слишком внимательно академический словарь. На всякое слово сделайте замечание тут же на бумаге. В душе вашей заключены законы общего. Но горе вам проповедовать их теперь... только тогда, когда исследуете все уклонения, исключения, малейшие подробности и частности, тогда только можете явить общее во всей его колоссальности.

*Из письма С. Т. Аксакову, декабрь 1844.
Соч., т. XII, стр. 125—126.*

...сам необыкновенный язык наш есть еще тайна. В нем все тоны и оттенки, все переходы звуков от самых твердых до самых нежных и мягких; он беспределен и может, живой как жизнь, обогащаться ежеминутно, почерпая с одной стороны высокие слова из языка церковно-библейского, а с другой стороны выбирая на выбор меткие названия из бесчисленных своих наречий, рассыпанных по нашим провинциям, имея возможность таким образом в одной и той же речи восходить до высоты, недоступной никакому другому языку, и опускаться до простоты, осязаемой непонятливейшего человека, — язык, который сам по себе уже поэт и который недаром был на время позабыт нашим лучшим обществом: нужно было, чтобы выболтали мы на

чужеземных наречьях всю дрянь, какая ни пристала к нам вместе с чужеземным образованием, чтобы все те неясные звуки, неточные названия вещей, — дети мыслей невыяснившихся и сбивчивых, которые потемняют языки, — не посмели бы помрачить младенческой ясности нашего <языка> и возвратились бы к нему, уже готовые мыслить и жить своим умом, а не чужеземным. Все это еще орудия, еще материалы, еще глыбы, еще в руде дорогие металлы, из которых выкуется иная, сильнейшая речь.

1845. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенности. Соч., т. VIII, стр. 408—409.

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПИСАТЕЛЯ В ОБРАЩЕНИИ СО СЛОВОМ

...Поэт на поприще слова должен быть так же безукоризнен, как и всякий другой на своем поприще. <...>

Потомству нет дела до того, кто был виной, что писатель сказал глупость или нелепость, или же выразился вообще необдуманно и незрело. Оно не станет разбирать, кто толкал его под руку: близорукий ли приятель, подстрекавший его на рановременную деятельность, журналист ли, хлопотавший только о выгоде своего журнала. Потомство не примет в уважение ни кумовство, ни журналистов, ни собственную его бедность и затруднительное положение. <...>

Обращаться со словом нужно честно. <...>

Опасно шутить писателю со словом. Слово гнило да не исходит из уст наших! Если это следует применить ко всем нам без изъятия, то во сколько крат более оно должно быть применено к тем, у которых поприще — слово, и которым определено говорить о прекрасном и возвышенном. Беда, если о предметах святых и возвышенных станет раздаваться гнилое слово; пусть уже лучше раздается гнилое слово о гнилых предметах.

1844. О том, что такое слово. Соч., т. VIII, стр. 229—232.

...Уже давно было сказано на свете, что слог у писателя образуется тогда, когда он знает хорошо того, кому пишет.

Из письма С. Т. Аксакову, декабрь 1844. Соч., т. XII, стр. 408.

ЗА САМОБЫТНЫЕ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

...Виноват! Кажется, из уст нашего героя излетело словцо, подмеченное на улице. Что ж делать? Таково на Руси положение писателя! Впрочем, если слово из улицы попало в книгу, не писатель виноват, виноваты читатели и прежде всего читатели высшего общества: от них первых не услышишь ни одного порядочного

русского слова, а французскими, немецкими и английскими они, пожалуй, наделят в таком количестве, что и не захочешь, и наделят даже с сохранением всех возможных произношений: по-французски в нос и картавя, по-английски произнесут, как следует птице, и даже физиономию сделают птичьей, и даже посмеются над тем, кто не сумеет сделать птичьей физиономии. А вот только русским ничем не наделят, разве из патриотизма выстроят для себя на даче избу в русском вкусе. Вот каковы читатели высшего сословия, а за ними и все причитающие себя к высшему сословию! А между тем какая взыскательность! Хотят непременно, чтобы все было написано языком самым строгим, очищенным и благородным, словом, хогят, чтобы русский язык сам собою опустилсЯ вдруг с облаков, обработанный, как следует, и сел бы им прямо на язык, а им бы больше ничего, как только разинуть рот да выставить его.

1842. *Мертвые души. Соч., т. VI, стр. 164—165.*

...«Позвольте же, позвольте же только рассказать вам... душенька, Анна Григорьевна, позвольте рассказать! Ведь это история, понимаете ли: история, сконапелъ истоар», говорила гостя с выраженнем почти отчаяния и совершенно умоляющим голосом. Не мешает заметить, что в разговор обеих дам вмешивалось очень много иностранных слов и целиком иногда длинные французские фразы. Но как ни исполнен автор благоговения к тем спасительным пользам, которые приносит французский язык России, как ни исполнен благоговения к похвальному обычаю нашего высшего общества, изъясняющегося на нем во все часы дня, конечно, из глубокого чувства любви к отчизне, но при всем том никак не решается внести фразу какого бы ни было чуждого языка в сию русскую свою поэму.

Там же, стр. 182—183.

ЗА ЧИСТОТУ ЯЗЫКА, ЗА ЯСНОСТЬ И ТОЧНОСТЬ ВЫРАЖЕНИЯ

Я к тебе еще не посылаю остальных двух лоскутков, потому что многое нужно переправить, особливо в *«Театральном разезде» после представления новой пьесы.* <...>

При корректуре второго тома прошу тебя действовать как можно самоуправней и полновластней: в *Тарасе Бульбе* много есть погрешностей писца. Он часто любит букву и; где она не у места, там ее выбрось; в двух-трех местах я заметил плохую грамматику и почти отсутствие смысла. Пожалуйста, поправь везде с такою же свободою, как ты переправляешь тетради своих учеников. Если где частое повторение одного и того же оборота периодов, дай им другой, и никак не сомневайся и не задумывайся, будет ли хорошо, — все будет хорошо. Да вот что самое главное: в нынешнем списке слово: слышу, произнесенное Тарасом пред казнью Остапа, заменено словом: чую. Нужно оставить

поспрежнему, т. е.: *Батько, где ты? Слышишь ли ты это? Слышу.* Я упустил из виду, что к этому слову уже привыкли читатели и поэтому будут недовольны переменою, хотя бы она была и лучше.

Из письма Н. Я. Прокоповичу, ноябрь 1842.
Соч., т. XII, стр. 84—85.

...В «Женитьбе», я вспомнил, вкралась важная ошибка, сделанная отчасти писцом: Кочкарев говорит, что ему плевали несколько раз, тогда как он это говорит о другом. Эта безделица может дать ему совершенно другой характер. Монолог этот должен начинаться вот как:

Да что же за беда! Ведь иным плевали несколько раз, ей-богу! Я знаю тоже одного: прекраснейший собой мужчина, румянец во всю щеку; до тех пор егозил и надоедал своему начальнику о прибавке жалованья, что тот наконец не вынес: плюнул в самое лицо, ей-богу. «Вот тебе, говорит, твоя прибавка, отвяжись, сатана!» и проч. и проч.

Если уже набрана и напечатана эта страница, вели перепечатать... Также в «Игроках» пропущено одно выражение, довольно значительное, именно, когда Утешительный мечет банк и говорит: «На, немец, возьми, съешь свою семерку». После этих слов следует прибавить: *Руте, решительно руте! просто картофеля!*

Эту фразу включи непременно. Она настоящая армейская и в своем роде не без достоинства.

Из письма Н. Я. Прокоповичу, 1842. Соч., т. XII, стр. 119.

ПРОТИВ «ЯЗЫКОВОГО ЖАРГОНА»

...Еще нужно сказать, что дамы города N отличались, подобно многим дамам петербургским, необыкновенною осторожностью и приличием в словах и выражениях. Никогда не говорили они: «я высморкалась, я вспотела, я плюнула», а говорили: «я облегчила себе нос, я обошлась посредством платка». Ни в каком случае нельзя было сказать: «этот стакан или эта тарелка воняет». И даже нельзя было сказать ничего такого, что бы подало намек на это, а говорили вместо того: «этот стакан не хорошо ведет себя» или что-нибудь вроде этого. Чтоб еще более облагородить русский язык, половина почти слов была выброшена вовсе из разговора, и потому весьма часто было нужно прибегать к французскому языку, зато уж там, по-французски, другое дело: там позволялись такие слова, которые были гораздо жестче упомянутых.

1842. Мертвые души. Соч., т. VI, стр. 158—159.

...Один раз, возвратясь к себе домой, он нашел на столе у себя письмо: откуда и кто принес его, ничего нельзя было узнать; трактирный слуга отозвался, что принесли-де и не велели сказывать от кого. Письмо начиналось очень решительно,

именно так: «Нет, я должна к тебе писать!» Потом говорено было о том, что есть тайное сочувствие между душами; эта истина скреплена была несколькими точками, занявшими почти пол строки; потом следовало несколько мыслей, весьма замечательных по своей справедливости, так что считаем почти необходимым их выписать: «Что жизнь наша? Долина, где поселились горести. Что свет? Толпа людей, которая не чувствует». Затем писавшая упомянула, что омочает слезами строки нежной матери, которая, протекло двадцать пять лет, как уже не существует на свете; приглашали Чичикова в пустыню, оставить навсегда город, где люди в душных оградах не пользуются воздухом; окончание письма отзывалось даже решительным отчаянием и заключалось такими стихами:

Две горлицы покажут
Тебе мой хладный прах,
Воркуя томно скажут,
Что она умерла во слезах.

В последней строке не было размера, но это, впрочем, ничего: письмо было написано в духе тогдашнего времени. Никакой подписи тоже не было: ни имени, ни фамилии, ни даже месяца и числа. В *postscriptum* было только прибавлено, что его собственное сердце должно отгадать писавшую и что на бале у губернатора, имеющем быть завтра, будет присутствовать сам оригинал.

1842. Мертвые души. Соч., т. VI, стр. 160—161.

О ЯЗЫКЕ И СЛОГЕ НЕКОТОРЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. <...> В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство. <...>

Его эпитет так отчетист и смел, что иногда один заменяет целое описание, кисть его летает.

1832. Несколько слов о Пушкине. Соч., т. VIII, стр. 50, 52.

Никто из наших поэтов не был еще так скуп на слова и выражения, как Пушкин, так не смотрел осторожно за самим собою, чтобы не сказать неумеренного и лишнего, пугаясь приторности и того и другого.

...поэзия была для него святыня, — точно какой-то храм. Не входил он туда неопрятный и неприбранный <...>

Ни один итальянский поэт не отделявал так сонетов своих, как обрабатывал он эти легкие, повидимому, мгновенные создания. Какая точность во всяком слове! Какая значительность всякого выражения! Как все округлено, окончено и замкнуто!

1845. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенности. Соч., т. VIII, стр. 380, 382—383.

Ни один из поэтов не умел сделать свою мысль так ощутительной и выражаться так доступно всем, как Крылов. Поэт и мудрец слились в нем воедино. У него живописно все, начиная от изображения природы пленительной, грозной и даже грязной, до передачи малейших оттенков разговора, выдающих живьем душевные свойства. Все так сказано метко, так найдено верно и так усвоено крепко вещи, что даже и определить нельзя, в чем характер пера Крылова. У него не поймает его слога. Предмет, как бы не имея словесной оболочки, выступает сам собою, натурою перед глаза. Стиха его также не схватишь. Никак не определишь его свойства: звучен ли он? легок ли? тяжел ли? Звучит он там, где предмет у него звучит, движется, где предмет движется; крепчает, где крепнет мысль, и становится вдруг легким, где уступает легкой болтовне дурака. Его речь покорна и послушна мысли и летает как муха, то являясь вдруг в длинном, шестистопном стихе, то в быстром, одностопном; рассчитанным числом слогов выдает она ощутительно самую невыразимую ее духовность.

Там же, стр. 394—395.

...поэты берутся не откуда же нибудь из-за моря, но исходят из своего народа. Это — огни, из него же излетевшие, передовые вестники сил его. Сверх того поэты наши сделали добро уже тем, что разнесли благозвучие, дотоле небывалое. Не знаю, в какой другой литературе показали стихотворцы такое бесконечное разнообразие оттенков звука, чему отчасти, разумеется, способствовал сам поэтический язык наш. У каждого свой стих и свой особенный звон. Этот металлический, бронзовый стих Державина, которого до сих пор не может еще позабыть наше ухо; этот густой, как смола или струя столетнего тока, стих Пушкина; этот сияющий, праздничный стих Языкова, влетающий как луч в душу, весь сотканный из света; этот облитый ароматами полудня стих Батюшкова, сладостный, как мед из горного ущелья; этот легкий, воздушный стих Жуковского, порхающий, как неясный звук эоловой арфы; этот тяжелый, как бы влачащийся по земле стих Вяземского, проникнутый под час едкою, шемающею русскою грустью — все они, точно разнозвонные колокола или бесчисленные клавиши великолепного органа, разнесли благозвучие по русской земле.

Там же, стр. 407.

Н. В. ГОГОЛЬ

1. Из цитируемых отрывков нетрудно убедиться, что Гоголь вслед за Пушкиным считал творцом и носителем языка народ. С благоговением, восторгом и любовью относился Гоголь к родному языку, с восхищением говорил о величии и мощи, красочности и многогранности, меткости русского слова, призывал собирать и изучать его сокровища.

Гоголь боролся за национально-самобытные основы литературного языка, за его демократизацию, за творческое обогащение и развитие лучших достижений речевой культуры народа, за использование всех богатств общенародного языка, его ярких самобытных средств и приемов выражения. Глубоко осознав роль писателя в развитии и совершенствовании языка, он неустанно напоминал об особой ответственности писателя при выборе и употреблении слов, требовал упорной работы над языком произведений и сам явил нам ее образцы.